

шолтда

С.Б.Дружиловский

ИРАН: ЭВОЛЮЦИЯ «ИСЛАМСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ»

За прошедшие после победы антишахской революции годы предложенная высшим шиитским духовенством модель развития Исламской Республики Иран постоянно эволюционировала и приспособлялась к меняющейся ситуации в стране и в мире. Тем не менее многие, особенно на Западе, стараются не замечать происходящих в этой стране перемен, утверждая, что после прихода к власти иранское духовенство уже двадцать семь с лишним лет не поступает однажды провозглашенными принципами. С другой стороны, не вполне соответствует действительности мнение некоторых исследователей, в том числе российских, будто в Иране нарастает процесс стихийной секуляризации, связанный с ослаблением позиций иранского духовенства под давлением требующего демократических свобод иранского населения. Действительно, многие из происходящих в ИРИ в последние годы событий можно расценить как отход духовенства от первоначальных исламских установок. Однако при этом следует признать, что сегодня так же, как и на заре исламской революции, все основные социально-политические и экономические процессы в Иране по-прежнему контролируются и иницируются стоящим у власти шиитским духовенством.

Главные из этих изменений заключаются в следующем:

Во-первых, подверглись ревизии или существенно дополнены и изменены некоторые основополагающие статьи иранской Конституции. После смерти Р.Хомейни отменен пожизненный принцип назначения руководителя страны — рахбара, а его деятельность поставлена под контроль выборного Экспертного совета. Данный совет наделен Конституцией правом смещать руководителя страны в случае, если последний будет не в состоянии исполнять свои обязанности либо утратит качества, требуемые от личности «рахбара». Полномочия президента страны усилены за счет упразднения поста премьер-министра. Законодательно закреплено создание Совета по целесообразности, получившего полномочия преодолевать вето Наблюдательного Совета на принимаемые иранским парламентом законы. Эволюционирует судебная система ИРИ. Сведена на нет деятельность революционных исламских трибуналов и существенно ограничены полномочия полиции в сфере контроля за нравственностью. Снят запрет на занятие женщинами должностей в системе судопроизводства. Перестали на практике применяться многие статьи закона 1982 г. об уголовных и гражданских наказаниях, устанавливавшие такие их виды, как бичевание, побиение камнями и отрезание конечностей.

Эволюционирует политическая система ИРИ. Осуществлен переход от неограниченной многопартийности, существовавшей в первые годы после исламской революции, через однопартийную систему (Партии Исламской Республики) к нынешнему появлению целого ряда борющихся за власть религиозно-политических группировок. Все они по своей сущности происламские, но различаются видением дальнейших преобразований в стране. При этом обычной становится ситуация, когда высшие посты в государстве занимают представители светского истеблишмента.

В социальной сфере происходит смещение акцентов с приоритета государственного обеспечения социально «обездоленных» (то есть экономически малоактивных слоев населения, интересы которых должна была обеспечивать принятая после революции концепция «тоухидной экономики») к поддержке активных и образованных групп современной иранской молодежи, составляющей сегодня большинство иранского населения. Причем эти изменения происходят в русле основополагающего принципа социальной справедливости, лежащего в основе политики иранского правительства. Так, объявленная президентом Ахмадинежадом программа приватизации 80% принадлежащих государству предприятий, что, безусловно, увеличит и усилит буржуазный класс страны и ускорит темпы экономического роста, в то же время сопровождается другой программой — распределением «акций справедливости», передаваемых на безвозмездной основе 7 миллионам представителей самых малоимущих слоев населения, которые будут получать доходы от денационализируемых предприятий.

За последние годы исламский режим пошел на серьезные преобразования в области женского равноправия. Итогом этой политики стало присоединение Ирана в 2001 г. к конвенции ООН о запрещении любых форм дискриминации женщин.

В экономической сфере происходит переход от политики опоры на собственные силы, жестких методов государственного регулирования и непосредственного вмешательства религиозных структур к либерализации экономики и открытым рыночным отношениям, к широкому привлечению иностранного капитала.

За последние годы серьезно поменялись также внешнеполитические приоритеты Ирана. Политика самоизоляции и курс на экспорт «исламской революции» к настоящему времени успешно преодолены, и страна демонстрирует готовность к международной экономической интеграции, политическому и культурному диалогу с другими странами и народами.

По нашему мнению, все указанные изменения говорят только об одном — высшее шиитское духовенство ИРИ, внимательно следя за современными мировыми тенденциями и гибко реагируя на требования собственного населения, инициирует проводимые в стране системные реформы. При этом оно не утрачивает свои властные полномочия, но

все чаще делегирует их преданным ему светским элементам, оставляя за собой высшие контрольные функции. Таковые, кстати, традиционно являются главным рычагом воздействия иранских богословов на происходящие в стране процессы. Можно предположить, что, не отказываясь от принципа «веляйте факих», предложенного в свое время аятоллой Р.Хомейни, высшее духовенство страны все более склоняется к позициям, которые в свое время разделяли такие религиозные авторитеты, как аятоллы Шариат Мадари, Талегани и Гольпаегани. Они считали предпочтительным для высшего духовенства дистанцироваться от прямого управления государственными делами, но при этом обеспечить полный контроль за политическими и экономическими процессами, делая особый упор на социальную политику. Сегодня абсолютный контроль высшего шиитского духовенства за происходящими в Иране событиями обеспечивается полномочиями рахбара, Наблюдательного совета, Совета по целесообразности, а также через СМИ и существующую в стране систему судопроизводства. Решающую роль в этом вопросе играет также деятельность служителей многочисленных мечетей.

Из сказанного выше можно сделать несколько выводов, напрямую связанных с формулированием внешнеполитических задач России в отношении этой страны.

Во-первых, крах исламского режима в Иране в обозримой перспективе представляется маловероятным. Он оказался на удивление устойчив именно потому, что не боится отказываться от сложившихся стереотипов, если они мешают успешному развитию общества и государства. Такая политика позволила Ирану не только противостоять всем тем бесчисленным объективным и субъективным бедствиям и проблемам, которые буквально волнами накатывали на эту страну после революции, но и сохранить облик легитимного цивилизованного государства. Известно, что после революции исламское руководство сумело мобилизовать население страны на преодоление послереволюционной анархии и разрухи, подавило широкомасштабные формы терроризма. Оно сохранило унитарность многонационального иранского государства, которая подверглась серьезному испытанию не только из-за выступлений некоторых национальных меньшинств в самом Иране, но и из-за воздействия дезинтеграционных процессов в соседнем СССР и в Югославии. Иран с честью выдержал самое серьезное для него испытание — восьмилетнюю войну с Ираком. Затем он успешно противостоял американской блокаде, политическим и экономическим демаршам западноевропейских стран и ряда международных организаций, включая МВФ, Мировой банк, а сегодня и МАГАТЭ. Все это, конечно, сильно затормозило выполнение социально-экономических программ в стране, но не сломило волю ее руководства к проведению суверенного политического курса. Серьезному испытанию социально-экономическая ситуация в ИРИ подверглась и в результате послереволюционного демографического взрыва, удвоившего население этой страны, а также

стихийных бедствий, прежде всего катастрофических землетрясений, унесших жизни десятков тысяч иранцев и превративших в руины целые города.

При решении всех этих проблем большую роль сыграла мобилизация духовенством широких масс иранского населения. При этом в основу своей политики оно заложило целый ряд мер, направленных на переустройство иранского общества и наполнение его новым «исламским» содержанием. В целом эту политику можно подразделить на две составляющие — ревизионистскую, подвергающую критике социальную концепцию шахского периода, которая основывалась на западных ценностях, и конструктивную — предлагающую свое видение общественного развития в исламском обществе. Первая отвергает такие императивы западной цивилизации, как получение сверхприбыли в качестве конечной цели производства, индивидуализм и личное преуспевание каждого как залог процветания общества в целом, фактическую узаконенность спекулятивных операций как в банковской, так и в торгово-промышленных сферах, оправданность деления общества на преуспевающую элиту и париев, примат материального над духовным и т. п. Вторая нацелена на преобразования общества в духе исламских представлений о равенстве, справедливости и достойном человека благосостоянии.

Следует отметить, что на первых порах, борясь за право руководить послешахским Ираном, духовенство довольно широко применяло методы подавления и дискредитации своих внутренних и внешних противников. Но даже в эти смутные и кровавые годы оно апеллировало ко всему иранскому народу и особенно к той его многочисленной части, которая игнорировалась шахским режимом. Данная категория даже получила от духовенства специальный термин «мостазефин» — обездоленные. При этом речь не обязательно шла только о бедных и неимущих, а обо всех иранцах, пострадавших от прозападной трансформации общества и выступивших за восстановление в стране традиционных духовных и моральных ценностей. В дальнейшем исламский режим всячески инспирировал и поддерживал те акции, которые приобретали всенародный характер. Таковыми, в частности, являлись массовые кампании по обличению США или Израиля, против публикации книги С.Рушди или карикатур на пророка Мухаммеда и т. д.

Постепенно такие общенародные кампании стали охватывать социальную и экономическую сферы. В связи с этим следует упомянуть движение за переход на ношение традиционных исламских одежд, борьбу с проституцией, алкоголизмом и наркоманией, возникновение общественных благотворительных фондов, превратившихся со временем в неотъемлемую часть иранской экономики, деятельность Организации созидательного джихада, борьбу с неграмотностью, развитие общедоступной системы образования и здравоохранения. В последующем общенародный характер приобрело выполнение пятилетних планов реконструкции и развития, курс на создание устойчивой экономики вне

нефтяного сектора и т. д. Только на первый взгляд может показаться, что все эти меры носили исключительно популистский характер. На самом деле это эффективный способ дойти до каждого и убедить, что он ценный и полезный член общества, а в стране все делается для него самого и с его помощью.

Очевидно, что все вышеназванные установки не только позволили преодолеть последствия послереволюционного кризиса в ИРИ, но и сыграли свою конструктивную роль в деле обеспечения большей, по сравнению с шахским периодом, консолидации и демократизации иранского общества. При этом произошло моральное оздоровление иранского общества, где оказались практически искоренены такие общественные пороки, как пьянство, азартные игры, наркомания, ушел в прошлое страх перед терроризмом и бандитизмом. С другой стороны, страна переживает расцвет национальной культуры, она добилась перехода к всеобщему среднему образованию и медицинскому обслуживанию населения, с помощью программы самообеспечения продуктами питания и товарами первой необходимости удалось добиться ликвидации нищеты и голода. В Иране приняты гарантированные государством программы защиты материнства и детства.

Поэтому есть основания полагать, что существующий в Иране режим будет в состоянии и в дальнейшем преодолевать отнюдь не простые проблемы, возникающие перед страной. Важнейшей из них, на наш взгляд, является диалог руководства страны с новым поколением иранцев, родившимся и выросшим в послереволюционный период. Ведь молодежь, которая составляет сегодня более половины всего населения страны и состоит, в основном, из юношей и девушек, получивших среднее и высшее образование, не может не подвергать сомнению взгляды, сформулированные и воспринятые старшими поколениями иранцев в других условиях почти три десятилетия назад. И это проблема не одного Ирана. Достаточно вспомнить о тех социальных потрясениях, которые переживало большинство стран Западной Европы в 60-е годы минувшего столетия, когда неформальные молодежные движения «хиппи» и им подобные камнями на камне не оставили от иллюзий благопристойного буржуа относительно непоколебимости существующих западных устоев. Впрочем, сегодня повзрослевшие бывшие неформалы уверенно вписались в рамки западных цивилизационных ценностей и не помышляют о каких-либо переменах.

В Иране многомиллионная молодежная среда сейчас также бурлит в поисках своего места в обществе и государстве. Это естественно и исторически оправданно. В этой ситуации перед иранским руководством стоит задача не сорваться на менторский тон, быть готовым к конструктивному диалогу с молодым поколением, подавать личный пример в отстаивании принципов справедливости, равенства, нестяжательства, личной добродетели. Именно это, а не получение известных прав и свобод может примирить иранскую молодежь с необходимостью более терпимого отношения к пока еще не очень впечатляющим ре-

зультатам общественно-политических и экономических преобразований. Ведь для молодежи главный вопрос состоит в том, чтобы она не подвергалась дискриминации в обществе и чтобы за ее счет не создавалось благосостояние других. В этом смысле у правящего в Иране режима есть определенные основания для уверенности в обеспечении контроля за складывающейся в молодежном движении страны непростой ситуацией.

С одной стороны, мусульманское духовенство обязано соблюдать скромность и неприязнательность в личной жизни. Образцом такого поведения в Иране всегда был аятолла Р.Хомейни, который до самых последних своих дней вел скромный и даже аскетичный образ жизни. Не менее скромно ведут себя и нынешние руководители иранского государства. С другой стороны, иранская Конституция является, пожалуй, единственной в мире, где четко зафиксировано положение о том, что «собственность лидера страны, президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения».

Все это, безусловно, создает базу для взаимопонимания между иранской молодежью и правящим исламским режимом, увеличивает шансы на достижение между ними позитивного консенсуса, предотвращения в дальнейшем массовых антиправительственных выступлений иранской молодежи, подобных тем, которые происходили в Иране в 1999 г. и в 2002 г.

Во-вторых, поступательное развитие Ирана, его постоянно укрепляющаяся военная мощь не оставляют шансов на насильственное свержение исламского режима заинтересованным в нем странам. Провал наступательной операции Израиля в Ливане и трагическое для американской внешней политики развитие ситуации в Ираке и Афганистане, последовавшее за их вооруженным вмешательством, со всей очевидностью демонстрируют нелепость попыток повторения соответствующих сценариев в Иране.

В связи с этим представляется, что отношения между Россией и Ираном следует переводить на долговременную основу. Как показывает практика, сколько бы мы ни прислушивались к мнению американских политиков, мы им все равно не понравимся. Российско-американские интересы в области внешней политики во многом расходятся, особенно на Востоке и, в частности, в отношении Ирана. Если для США Иран является частью мировой «оси зла», то Россия, напротив, может рассматривать Иран как фактор стабильности на южных рубежах наших границ. Расположенные там закавказские и центрально-азиатские республики оказались подвержены внутренним кризисам и стали центром притяжения для не относящихся к этому региону государств, заинтересованных в присвоении природных и людских ресурсов этих стран, в одностороннем освоении их товарных рынков. Очевидно, что Иран полностью разделяет позицию России о необходимости стабилизации

положения в этом регионе и недопущении бесконтрольного хозяйничанья на территориях, некогда являвшихся частью России, межнациональных корпораций, часто не желающих учитывать интересы проживающих здесь народов. Россию не может не устраивать также позиция Ирана по ряду внешнеполитических проблем, которые наша страна вряд ли сможет решить в одиночку. Речь, в частности, идет о таких вопросах, как стремление НАТО продвигаться все дальше на Восток, необходимость урегулирования региональных конфликтов в Закавказье и Центральной Азии, справедливое внутриафганское урегулирование и мирное «возвращение» России в Афганистан, блокирование шагов США и их западных союзников по созданию постоянных военных баз в закавказском и центрально-азиатском регионах, стремление видеть мир многополярным и многовариантным, повышение роли ООН при решении возникающих международных проблем и т.п. Учитывая все это, вряд ли стоит выстраивать наши отношения с Ираном в зависимости от того, как далеко американцы продвинутся в своем стремлении восстановить утраченные в этой стране позиции.

Что касается Ирана, то он уже давно заявляет о своем стремлении вывести развитие двусторонних отношений на стратегический уровень, совершенно справедливо считая Россию своим естественным союзником. Единство взглядов России и ИРИ на многие международные проблемы было, в частности, отражено в Договоре об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, подписанном руководителями двух государств по итогам официального визита в нашу страну президента ИРИ С.М.Хатами в 2001 г. Существует целый ряд политических и экономических проектов, которые, без сомнения, усилили бы позиции обеих стран, будь на то добрая воля России. Это и перспектива полноправного участия Ирана в ШОС, а возможно, и в ОДКБ, совместная борьба с терроризмом и наркотрафиком, открытие транспортных коридоров из России через территорию Ирана, совместные нефтегазовые, энергетические и научно-технические проекты. Одно только создание единого газового консорциума позволило бы нашим странам контролировать около половины газового рынка планеты.

Жаль, если все это будет принесено в жертву нашему проамериканскому лобби, которое почему-то считает, что развитие дружественных и взаимовыгодных отношений России с ее соседями должно обязательно выстраиваться в русле американских интересов. В то же время в самих США существуют влиятельные силы, которые уверены, что умиротворение Ирана возможно только путем экономического и политического сближения двух стран, а не через военную конфронтацию. Иначе не затрещал бы так быстро по швам дискриминирующий Иран закон Д'Амато, на который уже давно обращают мало внимания не только иностранные, но и американские компании. Сегодня некоторые союзники США (например, Италия) без оглядки на своего воинственного партнера все увереннее осваивают иранские рынки, извлекая зна-

чительные прибыли. Видимо, и России надо открыть дорогу для широкого сотрудничества с нашим южным соседом. Для этого необходимо как минимум прекратить «демонизацию» иранской ядерной программы и выполнить свои обязательства перед этой страной по завершению строительства и обеспечению противоздушной защиты атомной электростанции в Бушере. Ведь при любом развитии событий в обозримом будущем Иран не будет представлять для России (впрочем, как и для США) сколько-нибудь серьезной военной угрозы, а вот полномасштабное сотрудничество с этой страной может серьезно помочь нам в решении многих неотложных проблем.